

Глава 5

Вчера шел дождь, а сегодня небо было чистым, словно вымытым.

Красные свечи в комнате догорали, дожидаясь своего часа. Когда растаяла их последняя капля, Сун Суйюань, лежавший в одиночестве на кушетке, медленно приоткрыл глаза.

Его ноздри щекотал сладковатый, словно сбивающий с толку сложный аромат, а ломота во всем теле и затуманенная голова красноречиво свидетельствовали о необычности этого дня. Он помнил лишь то, как вчера... вернувшись после купания, лег спать, и погрузился в какое-то томное, смутное сновидение...

Однако одежда была сброшена, а плечи, шея и грудь оказались усыпаны свежими следами от царапин и укусов.

Его затуманенный мозг как раз услужливо подбросил воспоминание: а это сокровище кусается на удивление больно.

Невозмутимое выражение лица Сун Суйюаня мгновенно дало трещину. Его грудь тяжело вздымалась, мысли явно бурлили, а стройное тело еще долго напряженно и неподвижно застыло на месте.

Вчерашнее... неужели и впрямь не было сном?

Он действительно занимался этим?

И занимался этим с тем самым красивым парнем, который чуть что — норовит укунить или поцарапать от боли?

С тем самым парнем, что нагло вломился к нему в комнату.

Осознав реальность происходящего, Сун Суйюань ухватился рукой за голову. Он отчетливо помнил: вернувшись вчера с купания, он взглянул на А Яня, лежавшего на кровати, затем направился на кушетку отходить ко сну, и больше в комнате никого не было.

Кто же тогда он? Когда он ворвался сюда? Быть может, он — один из мальчиков для развлечений, которых подыскала Ши Вань?

Он тут же мысленно отбросил эту догадку. Совсем не похоже. Скорее уж он напоминал избалованного золотого мальчишка из богатой семьи, выращенного в абсолютной роскоши.

Пальцы Сун Суйюаня, поддерживавшие голову, опустились ниже и коснулись ключицы. Свежие ранки отзывались легким покалыванием. Он отнял руку, его лицо помрачнело еще на дюйм: плевать, кто он такой, если ему еще хоть раз доведется с ним встретиться, он непременно схватит наглеца и сорвет на нем всю злость!

В случившемся были виноваты оба, так что это можно было назвать делом обоюдного согласия, с какой стати вести себя так жестоко и оставлять следы?

Первый опыт Сун Суйюаня оказался вполне сносным, чем он был обязан Цяньцянью Цзуй, а по поводу участия второго человека в его сердце оставалось лишь одно раздражение. Хотя прошлой ночью он был пьян и помнил все смутно, обрывочные воспоминания подсказывали: поначалу тот избалованный юнец сам проявил инициативу, а в итоге он сам же оказался с ног до головы покрыт ранами. Поджав губы, он кое-как натянул новую одежду, густо усеянную складками, и поспешил позвать слуг из павильона, чтобы расспросить их, совершенно упустив из виду собственное вчерашнее одеяние, которое от его движений соскользнуло и упало под кушетку.

После долгих и подробных расспросов выяснилось: кроме Ши Вань, которая сегодня отправилась играть на цитре в главный зал, абсолютно все слуги и охранники побывали здесь, и все как один утверждали, что минувшей ночью не видели никакого незнакомого молодого господина.

Шеренга охранников переглядывалась между собой... не говоря уже о том, чтобы заметить кого-то настолько поразительной, неземной красоты, похожего на отрока из свиты самого Будды.

— Вы все еще здесь? Живо ступайте и как следует всё проверьте! Если не отыщете ни единой зацепки, берегите свои шкуры, — раздался громкий властный окрик. Управляющая Павильоном Люсян Дун Нянь подошла первой, разогнала стражу и с заискивающей улыбкой обратилась к Сун Суйюаню, заглядывая за ширму: — Молодой господин Сун, вам ведь прекрасно известна здешняя стража — любят побездельничать. Дун Нянь приносит вам свои извинения. Будьте спокойны, стоит мне заметить хоть малейший след этого юнца, я переверну здесь всё вверх дном, но отыщу его для вас.

В Павильоне Люсян постоянно бывали лишь знатные вельможи и одаренные литераторы, а охрана славилась своей надежностью и умением драться.

Сун Суйюань и без того был раздражен, возиться с разговорами с Дун Нянь он не собирался. Понимая, что от них толку не добиться, он просто кивнул на ее слова и велел ей удалиться.

Странно донельзя. Вчерашний юнец явно отлично владел боевыми искусствами.

В памяти смутно отпечатались его гибкое, полное скрытой силы тельце, стремительные движения и, наконец, две руки, которые тот зажал в его лавнях... На тыльной стороне ладоней и подушечках четырех пальцев прощупывался едва заметный слой тонких мозолей. Все это

красноречиво говорило о том, что парень владеет какими-то боевыми приемами, но как он умудрился незаметно ускользнуть прямо под носом у стражи Павильона Люсян, не вызвав ни единого подозрения...

С каких это пор в столице завелся такой человек?

Посидев в одиночестве и погрузившись в раздумья, он внезапно вспомнил про А Яня.

Его взгляд вслед за мыслями скользнул в сторону большой кровати. А где же Беленький котенок?

Прошлой ночью полог сорвали кошачьи коготки, и теперь он наполовину закрывал ложе.

Сун Суйюань подошел ближе, откинул полог и лишь в самом углу обнаружил этот белый комочек шерсти. Сейчас в нем не осталось и следа вчерашней заносчивости и попыток единолично захватить всю кровать — котенок жалко сжался в комочек в уголке, всем своим видом выражая обиду.

Из-за куда более важных забот Сун Суйюань подсознательно упустил эту перемену из виду. Он протянул руку, чтобы легонько погладить крошечную головку А Яня, рассчитывая проверить, проснулся ли тот, но кот с закрытыми глазами точным и молниеносным движением полоснул его лапой.

Очень свирепо.

Сун Суйюань чуть было не обзавелся еще одной раной на руке. Нахмурившись, он ткнул котенка в лоб и холодно приказал:

— Совсем от рук отбился.

Беленький котенок снова яростно замахал лапой с закрытыми глазами, не попал, закрыл уши лапами и перевернулся на другой бок, демонстративно отвернувшись от него круглой спинкой. Сун Суйюань каким-то непостижимым образом уловил в его поведении крайнее раздражение.

Он его раздражает?

Движимый вредным характером, Сун Суйюань снова протянул руку и принялся трепать кошачью макушку, мешая спать.

Однако Беленький котенок, казалось, смертельно устал. Этот круглый пушистый комочек покачивался из стороны в сторону от каждого его движения, выглядя донельзя жалостливого.

Сун Суйюань сам не заметил, как смягчил и без того легкое движение, а затем и вовсе убрал руку. Он пристально поглядел на спрятанные мягкие подушечки лап котенка, поднялся на ноги и внимательно обошел комнату, но не нашел никаких следов чужого присутствия — ни входа, ни выхода. Раз уж тот сбежал, оставаться в павильоне не было никакого смысла, к тому же он терпеть не мог запах алкоголя на себе. Подхватив все еще сонного Беленького котенка, он направился домой.

Тем временем по всему Шэнзину поползли слухи: старший молодой господин Сун прошлой ночью предавался любовным утехам с каким-то юношей в Павильоне Люсян.

Едва Сун Суйюань добрался до ворот Двора Цветения Журавлей, как угодил прямо в ловушку к собственному отцу — Сун Вэньсину, чиновнику Министерства чинов, который как раз отдыхал дома. Облаченный в широкие одежды с забранными в пучок волосами и аккуратно подстриженной бородой, почтенный чиновник смотрел на сына с разочарованием и досадой:

— Всю ночь дома не ночевал, и снова шатался Бог весть где, проказничая?

Сун Суйюань замер на месте, на секунду прикрыл глаза, повернулся и почтительно произнес:

— Отец.

Вопрос отца он пропустил мимо ушей.

Сун Вэньсин тяжело фыркнул. Последнее время при виде Сун Суйюаня у него неизменно было кислое выражение лица:

— Член палаты налогов и податей Ван каждый день смотрит на меня с большим усердием, чем на самого министра Яна — сразу видно, какой ты у меня способный! Если бы я не следил за твоими ежедневными похождениями, боюсь, и дальше оставался бы в неведении, когда кто-нибудь из сослуживцев по императорскому двору снова решится на подобную услугу.

Чиновник из палаты налогов и податей Ван — это отец Ван Саня. Ван Сань с малых лет обожал сорить деньгами и действовал крайне дерзко: никто толком не знал, сколько он зарабатывал, зато все были в курсе, что он постоянно влетал в убытки, да так, что мог разорить семью до нитки. Пожилой чиновник Ван едва не заработал сердечный приступ из-за этого младшего сына, но с тех пор, как Ван Сань начал крутиться со старшим молодым господином Суном, он уже давно не нес убытков.

Услышав это, Сун Суйюань лишь пожал плечами и молча принялся гладить кота.

Он подумал, что никто особо не старается услужить отцу, скорее уж тот просто подыскивает ему жениха среди детей своих коллег для укрепления связей.

Сун Вэньсин с суровым видом окинул сына с ног до головы, и вдруг его зоркий взгляд приковало нечто странное. Уставившись на шею парня, он строго потребовал:

— Говори правду, где ты был прошлой ночью?

Сун Суйюань бросил короткий взгляд вниз по направлению отцовского взгляда и замер:

— В Павильоне Люсян.

Да ну его, всё равно скрывать нечего.

Сун Вэньсин недоверчиво затряс пальцем в его сторону, долго не мог подобрать слов, а затем в бешенстве бросил:

— В ближайшие дни займемся вопросом твоей женитьбы! — и, взмахнув рукавами, удалился.

Господин Сун всегда возлагал большие надежды на своего старшего законного сына. Он прекрасно знал ребенка, которого воспитал: с малых лет тот не проявлял никакого бунтарского нрава. Временные шалости ничего не значат — в конце концов, он поймет, что пустые развлечения губят человека, и вернется на праведный путь. Но видя, как сын заходит всё дальше, господин Сун всерьез задумался над предложением жены: мужчина остепенится только тогда, когда обзаведется семьей.

Сун Суйюань проводил взглядом уходящего в ярости отца, немного подумал и решил отправить домашнее письмо старшей сестре, служившей при муже на юге Цзяннань, попросив ее вновь пригласить лекаря Кана в столицу.

В юности Сун Вэньсин сильно испугался, угодив в воду, а после долгие годы усердно трудился на государственной службе, пропадая в кабинетах с раннего утра до поздней ночи, чем подорвал свое здоровье, и в прошлой жизни в эту же зиму скончался от обычной простуды. Изначально он должен был получить пост министра чинов, но, увы, человека уже не вернешь. Сун Суйюань позже сделал головокружительную карьеру при дворе во многом из-за подсознательного желания искупить эту вину.

Сун Суйюань отложил кисть и легко улыбнулся — затаенная на душе тревога немного рассеялась.

Отец за год подлечил здоровье, выглядел гораздо лучше, а ругался так, что в голосе чувствовалась прежняя удаль.

Суй Мо вернулся во Двор Цветения Журавлей только тогда, когда Сун Суйюань запечатал конверт. Неизвестно, где он пропадал, но стоило ему переступить порог, как он с любопытством спросил:

— Молодой господин, почему все вокруг только и говорят, что вы собираетесь жениться?

Сун Суйюань приподнял брови, вспомнив пару служанок, пробиравшихся с метлами неподалеку от двора, и всё сразу понял: за столь короткое время весть об этих смотринах успела обрести слухами и превратиться в полноценную «женитьбу».

Он не стал рассеивать сомнения Суй Мо, а вместо этого произнес:

— Ты как раз вовремя напомнил мне.

В ближайшее время ему стоило уехать из города и переждать бурю. Раз уж его отец так легко бросил фразу о женитьбе, за спиной у него наверняка полным ходом шли приготовления, так что бежать следовало как можно скорее.

Суй Мо окончательно запутался.

Строя планы на ближайшее время, Сун Суйюань обронил:

— Я отвезу А Яня в поместье у подножия Горы Саньхуа, поживу там какое-то время. Распорядись прямо сейчас, завтра же отправляемся в путь.

Вчера молодой господин уже упоминал об этом в присутствии Наследного принца, так что Суй Мо не стал задавать лишних вопросов и, пообещав всё подготовить, хотел уже удалиться.

Сун Суйюань поднял глаза:

— Ты останешься в городе и будешь докладывать мне обо всем, что происходит вокруг Павильона Люсян.

Суй Мо: — А?

Кратко объяснив суть поручения, Сун Суйюань добавил:

— Ищи избалованного юнца, владеющего боевыми искусствами, особое внимание обрати на сыновей богатых купцов, недавно прибывших в Шэнцзин. А пока велю растопить баню, я хочу искупаться.

Суй Мо получил слишком много информации за раз. Сморщив лицо и растерянно хлопая глазами, он попятился к выходу, но перед самой дверью машинально скользнул взглядом по шее господина, где виднелась половина полукруглой красной метки. Глаза его тут же подозрительно забегали.

Следы от зубов...

Воротники одежды в Павильоне Люсян были довольно высокими, но после купания Сун Суйюань переоделся в свободные и мягкие домашние одежды, и аккуратный отпечаток зубов обнажился целиком.

И зубки острые, и семья, судя по всему, весьма утонченная.

— Молодой господин, а как же А Янь? — внезапно вернувшись, поинтересовался Суй Мо.

Он вдруг испугался, что молодой господин мог случайно оставить кота наследного князя Юнь, привезенного Наследным принцем, в Павильоне Люсян.

Сун Суйюань опустил пальцы, касавшиеся следов от зубов, и не успел он ничего ответить, как из глубины комнаты раздалось громкое:

— Оу!

А Янь наконец проснулся.

Сун Суйюань махнул рукой, отпуская Суй Мо, обошел ширму и к своему ужасу обнаружил, что вчерашний послушный Беленький котенок полностью разгромил его кровать.

Вся шелковая обивка, которую можно было разодрать когтями, была безнадежно испорчена.

А сам виновник восседал в самом центре погрома, словно победивший в битве царь зверей.

Сун Суйюань глубоко вздохнул: прекрасно, его терпению пришел окончательный конец.

Он взял котенка за шкурку, слабо улыбнулся, и от его ледящего тона мороз пошел по коже:

— Сейчас я задам тебе несколько вопросов. Если не ответишь как положено, с этого дня твоим трехразовым питанием станет пустая рисовая каша с добавлением зелени. Утреннее купание, вечернее купание, а передвигаться разрешено исключительно в пределах боковой комнаты во Дворе Цветения Журавлей.

— Я знаю, что ты меня прекрасно понимаешь, — мягко произнес он. — И слов на ветер не бросаю.

Превратившийся в кота А Янь, у которого до сих пор побаливало место ниже спины, взвизгнул:

— Оу!

Скотина! Бесстыдник!

Спустя время, равное времени сгорания одной палочки благовоний, Сун Суйюань держал Беленького котенка в зажатых руках, вооружившись ножницами: одно движение — и все кошачьи когти оказались острижены под корень.

А Янь бесчисленное количество раз пытался вырваться и полезть в драку, но сил у кота было несравнимо меньше, чем у человека. Ночью, будучи человеком, он еще мог в процессе перевернуться и оказаться сверху на Сун Суйюане, но сегодня эти злосчастные когти никак не желали втягиваться обратно.

Вчера издевался над человеком, сегодня издевался над котом — живодер Сун Суйюань!

Темные глаза Сун Суйюаня не выражали никаких эмоций, он холодно спросил кота:

— Прошлой ночью кто-то заходил в нашу комнату? Если да, шевекни правой лапой, если нет — левой.

А Янь с раздражением попытался вырваться, но стоило ему поднять голову и встретиться взглядом с лицом мучителя, как сердце у него екнуло. Он на секунду замешкался: впрочем, этот человек всё равно был гораздо слабее его отца! Обуреваемый стыдом и злостью, он сердито взмахнул правой лапой и замахнулся на его лицо:

— Оу-оу...

Спрашивает он еще! Да как у тебя совести хватает задавать такие вопросы!

Сун Суйюань перехватил лапу А Яня и впервые пристально взгляделся в это беспричинное бешенство. До него вдруг дошло: ярость А Яня, судя по всему, была вызвана вовсе не угрозами — этот поганец злился с самого раннего утра.

А Янь ведь не обычный кот, в нем не было свойственной кошкам страсти к разрушениям. На постели в Павильоне Люсян тарелки стояли в полном порядке, и лишь сегодняшним утром А Янь обиженно жался в уголке полога.

Значит, разгромленная постель предназначалась не самой кровати, а ее хозяину.

Он вел себя скверно именно потому, что проснулся сегодня...

Проснулся, и его прервали во время сладкого сна...

Помолчав довольно долго, Сун Суйюань постепенно смягчил выражение лица. Он бережно взял Беленького котенка на ладони, с загадочным видом прочистил горло и хрипло спросил:

— Прошлой ночью... мы помешали тебе спать?

<http://bllate.org/book/24809/2934719>